

Поэзия

Александр Бараш. Пять стихотворений
Феликс Чечик. Отечество в квадрате
Светлана Бунина. Имена
Сухбат Афлатуни. Вечерний базар
Вячеслав Шаповалов. Чужой алтарь
Лариса Миллер. Из новых стихов
Елена Миронова. Иная жизнь
Наталья Полякова. На излучине руки

Александр Бараш

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

•

Помнишь, как
смеялся Фантомас в кинотеатре «Юность»?
В том же доме аптека, где мне покупали
все более и более сильные очки несколько раз в год.
Там в светящихся желтых витринах
лежали коричневые в разводах оправы —
полчища ороговевших стрекоз.

В полях цветущего валидола
в районе улицы Бирюзова
есть прозрачные ворота, и плывут ступени
в этот райский ад. Вот ряд
открытых шлагбаумов березовой аллеи
у тихой хрущобы
и бетонная ограда больницы —
заданный горизонт.

Я пойду по шпалам по шпалам
окружной железной дороги,
огородами огородами, пустырями
туда, где никто не ждет.
И вышел —
к базальтовому косогору в Галилее. Шмели и колосья,
как под Звенигородом в детском саду на даче,
и выход там же, где вход.

●
Над горою Арбель небеса высоки.
В тихом Доме Собраний ни стен, ни дверей.
Наши души легки, наши реки пусты,
но все это — до срока,
до зимних дождей.

Если б силы хватило, то бросить бы жизнь
и застыть, как варан, над базальтом полей.
А Спаситель придет и найдет и спасет
на колючей горе
над долиной Арбель.

Как занозы от трав запустенья — в глазах
жженье сладкой надежды, но перст на устах.
Приходи же, мы ждем, мы готовы терпеть
жизнь на свете
и темную-темную смерть.

ИЗ ЦИКЛА «ИСТОЧНИК ОТШЕЛЬНИКА»

Хорошо мне в пещере моей
Словно тело она Выходить из нее —
что душе отлетать из костей

Вот вода из расщелины Тихо идет
прорастает и каплет Поставишь кувшин —
и к закату он полон прозрачным плодом

Есть на склоне над светлой долиной еда:
фига старая в облаке липких даров зерна сытные
распирают их изнутри Вот лоза

обнимает ограду из камня Вокруг
нестерпимое солнце: весь мир как слеза
бесконечен и мал

•

*По Иерониму, Дор лежал в 9 милях от
Кесарии по пути в Птоломаиду.*

Энциклопедия архимандрита
Никифора

Пустырь над морем.
Шелушенье мозаик
под колючей пылью.
Сандалии больше не идут.
Сесть бы, но нет тени.
Море за спиной — рынок
с орущей толпою.
Солнце устроило жертвенник
на валуне темени.
Слава богу, скоро я стану
пятном в полосе прибоя,
среди развалин базальтовой колоннады,
в прозрачной зеленой пене.

Вот на скале Акрополь,
хоть его и не видно.
Свет сквозь него проходит,
но это ничего не значит.
Плато над морем наполнено
жизнью как ветром.
Прошлое с будущим условней,
чем чет и нечет.
И прозрачно присутствие
всех, кто здесь жил.

В этой воронке без стен
оно стоит по спирали.
Смысл ходит по кругу,
будто он сторожит
то, что узнали те,
которые здесь умирали.

•

Образ смерти:
тело — мельком и сбоку,
как тень на взлетной полосе.

Образ Бога:
взгляд в темя
в полдень на вершине холма.

Образ жизни:
превращаться в то,
что больше тебя.